

Вот что значит проиграть из-за разницы видов, юного возраста и недостатка жизненного опыта.

И хотя Бай Цзянь был тритоном, за те несколько столетий, что он прожил на свете, он досконально изучил физиологические особенности и повадки людей. А вот знания Сы Юэ о тритонах пока ограничивались лишь жалкими обрывками.

Книги могли просветить его насчет анатомии и физиологических процессов тритонов, но ни в одном учебнике не писали, где у них самые чувствительные места.

Впрочем, человеческие учебники о таком тоже умалчивали. Если хочешь узнать, как двум независимым индивидам взаимодействовать и привлекать друг друга, тут нужны советы специалистов или специфическая литература — вроде брошюры «100 маленьких хитростей, которые научат вас строить отношения».

Ладонь Сы Юэ внезапно бросило в жар. Он приоткрыл рот, но не смог выдать ни звука.

Раньше он бы просто восхищенно выдохнул: «Охренеть!»

Но сейчас язык словно прилип к небу.

Цзян Юй был в полном восторге. Ему не терпелось обсудить с А-Юэ животрепещущую тему «как тритоны обычно флиртуют», но, к его огромному сожалению, между ними сидел Бай Цзянь. Приходилось терпеть изо всех сил, отложив расспросы до окончания аукциона.

Рука Сы Юэ по-прежнему находилась в плену у Бай Цзяня, и тот явно не собирался ее отпускать.

Прохладные пальцы тритона поглаживали его ладонь, вычерчивая невесомые круги. От этого щекотного, покалывающего ощущения пять пальцев Сы Юэ так и норовили рефлекторно сжаться.

Сы Юэ поднял глаза на мужчину.

Эту элегантность и сдержанность было не описать словами. Бай Цзянь обладал манерами истинного джентльмена, чья жизнь проходила в старинных поместьях, в окружении красного вина и роз. В роскошном, залитом светом зале аукциона он безупречно сочетал в себе хватку уверенного в себе дельца и безукоризненную вежливость аристократа.

Но при этом его руки были заняты тем, что лениво играли с рукой своего партнера. От кончиков пальцев до костяшек, от центра ладони к запястью.

«А этот Бай Цзянь, — подумал Сы Юэ, — тот еще фрукт».

Он выудил из кармана брюк телефон и, прижав его к бедру, начал незаметно печатать. Он отправил личное сообщение Чжэн Сюйюю.

[Что вы с Инь Я обычно делаете, когда проводите время вместе?]

А Чжэн Сюйюю на другом конце провода как раз рвал и метал. Инь Я, увидев его дневную переписку с Сы Юэ, устроил ему нескончаемую истерику.

Инь Я сидел на кровати, скрестив ноги. С красными глазами и хриплым от слез голосом он допытывался:

— Что значит «просто встречаться и не жениться»?! Ты мной овладел, а теперь не хочешь нести ответственность?! Вас, людей, вообще не волнует ваша репутация?!

Чжэн Сюйюю, стоя на коленях на ковре, возмутился:

— Кто кем, мать твою, овладел?! А ну-ка проясни этот момент!

— Ты на меня кричишь?!

Пока они препирались, телефон Чжэн Сюйюю, лежавший на кофейном столике, несколько раз завибрировал. Чжэн Сюйюю потянулся за ним, но Инь Я ткнул в него пальцем:

— Я сам возьму. А ты стой на коленях ровно.

Чжэн Сюйюю показал средний палец удаляющейся спине тритона.

— Это от А-Юэ, — Инь Я неспешно вернулся и уселся обратно на кровать. — Спрашивает, что мы обычно делаем, когда вместе. Я за тебя ответил.

— Отвечай что хочешь, — безразлично бросил Чжэн Сюйюю.

[Чжэн Сюйюю: Мы делаем всё, что положено делать парочкам.]

Глядя на эти слова, Сы Юэ пустился в фантазии. Он украдкой покосился на Бай Цзяня, быстро отвел взгляд и застрочил ответ — хоть и одной рукой, но очень быстро.

Бай Лу, который всё это время подглядывал в его экран, замер в изумлении.

[Слушай, а у тритонов есть всякие странные места, к которым нельзя прикасаться?]

Инь Я придавил ногой колено Чжэн Сюйюю, не давая тому встать, и принялся набирать ответ.

Он прекрасно понимал, что Сы Юэ спрашивает из-за господина Бай Цзяня. Других причин просто быть не могло — Сы Юэ не стал бы проявлять столь жгучий интерес к тритонам на пустом месте.

[Не трогай жаберные плавники и не гладь за ушами — от этого тритоны возбуждаются. Чешую на хвосте тоже просто так трогать нельзя. Если гладит партнер — это считается флиртом, а у чужаков такого шанса в принципе не бывает, тритоны слишком ценят личное пространство.]

[В остальном вроде ничего особенного. Главное — не лезь к хвосту. И неважно, по чешуе или против — это в любом случае глупая затея.]

[А что ты сделал с Бай Цзянем?]

Вспомнив, как он только что намеренно погладил чешуйки за ухом Бай Цзяня, Сы Юэ зажмурился. Он медленно выдохнул и только потом ответил.

[Ничего. Просто любопытно.]

[Хороси-и-ики, если появятся вопросы, можешь смело спрашивать!]

Сы Юэ уставился на это «Хороси-и-ики» и постепенно начал осознавать, что что-то здесь не так. На том конце явно был не Чжэн Суйюй — тот отродясь не использовал такие слащавые словечки. Наверное, это писал Инь Я.

Закончив переписку, Сы Юэ неловко сунул телефон обратно в карман. Подняв голову, он наткнулся на огромные, круглые глаза Бай Лу.

— На что уставился?

— На то, как ты переписываешься.

— И что, много понял?

— Половину.

Бай Лу пристроил подбородок на плечо Сы Юэ и уставился на его гладкую, словно лишенную пор кожу. Он причмокнул губами:

— А-Юэ, ты выглядишь таким... кусабельным.

У Бай Лу всё было просто: Сы Юэ казался ему безобидным, чистым и добрым. Он ему нравился, но тритон не знал, как это выразить. Для такого гурмана, как он, слова «аппетитный» и «вкусный» были высшей формой похвалы.

Острый подбородок Бай Лу больно впивался в плечо. Сы Юэ заставил его переключить внимание на сцену.

Как раз начали демонстрировать первый лот — расписную вазу. Ведущий с преувеличенным восторгом вещал, что ее расписал какой-то знаменитый мастер пятьсот лет назад, и на дне даже есть его автограф.

Сы Юэ повернул голову к Бай Цзяню:

— Это правда?

Бай Цзянь промолчал.

Сы Юэ сам же и ответил на свой вопрос:

— А, я перепутал. Ты же прожил триста лет, а не пятьсот.

«А вообще...» — в голове Сы Юэ мелькнула гениальная мысль. Он придвинулся к Бай Цзяню и негромко предложил:

— Если ты бессмертный, мог бы уже сейчас начать коллекционировать всякие сокровища. Вазы там, картины, каллиграфию... Да даже тарелки и палочки для еды из дома! Через пару тысяч лет это всё станет антиквариатом. А потом можешь использовать мою могилу как отмазку: скажешь, что откопал всё это в моем склепе.

Бай Цзянь тихо усмехнулся:

— А-Юэ, никто не живет вечно. Даже тритоны. Так что через какое-то время я перестану носить фамилию Бай.

Сы Юэ слегка опешил. А ведь это и правда проблема. Бай Цзянь не старел и не умирал. Поначалу этого никто не заметит, но пройдут годы, люди и тритоны одного с ним возраста начнут умирать. Да что там, жители Цинбэя успеют смениться на два поколения, а Бай Цзянь всё так же будет выглядеть как прежде. Его же точно поймают и отправят на опыты!

Сердце Сы Юэ внезапно болезненно сжалось, словно от сильного удара.

Ведь после его смерти Бай Цзяню придется вечно скитаться по этому миру — без родины, без пристанища.

Сы Юэ одеревенело отвернулся и уставился на сцену. Он прекрасно знал, что совершенно не умеет утешать или давать советы, поэтому решил, что лучше просто помолчать.

Тем временем ведущий с еще более утрированными жестами и мимикой представлял брошь с

желтым бриллиантом безупречной чистоты, уверяя, что когда-то ее носила некая королева. Но Сы Юэ больше нравился тот королевский сапфир с прошлого раза.

Бай Цзянь протянул руку, мягко обхватил Сы Юэ за затылок и притянул к себе.

— Эта брошь настоящая. Ее носила Джона Тринадцатая из страны I. Но говорят, что на брошь наложено проклятие: каждый, кто ее наденет, столкнется с несчастьями.

— Но ее всё равно купят, — Сы Юэ смотрел, как в разных концах зала то и дело взмывают таблички со ставками. — Как-никак, королева носила.

Среди тех, кто крутился в бизнесе, одна часть до одури верила в призраков и богов — они были готовы поставить дома алтари с Буддами и каждый день отбивать поклоны, вымаливая защиту. А другая часть не верила ни во что: ради денег они были готовы пойти на любые сделки с совестью.

Сы Юэ видел всё это насквозь. Он прекрасно понимал истинное лицо каждого человека в своем окружении, просто ему было лень в это вникать и лень об этом говорить.

— А ты веришь? — Сы Юэ стрельнул глазами за ухо Бай Цзяня. Никаких изменений. Он мысленно выдохнул с облегчением.

— Иногда верю, иногда нет, — ответил Бай Цзянь. Взгляд за стеклами очков был невероятно теплым и мягким.

— Я тоже, — кивнул Сы Юэ. — Перед выпускными экзаменами я целый месяц молился Богу Учебы.

— Богу Учебы?

— Ага. Это старшеклассник из нашего выпуска. Его зачислили в университет А автоматом, но он всё равно пошел сдавать экзамены и не добрал до максимума всего один балл. Как только он вышел с экзамена, у него сразу взяли интервью с местного телеканала, и видео залетело в тренды.

Этот Бог Учебы был обычным человеком, скромным и тихим. Глядя в микрофон, он тихо и смущенно произнес: «Ничего особенного».

Бай Цзянь: «...»

Сы Юэ задумался, его глаза ярко заблестели, когда он посмотрел на Бай Цзяня:

— Впрочем, тебе-то верить не обязательно. Пройдет еще пара сотен, а то и тысяч лет, и ты сам станешь Богом для тритонов.

Бай Цзянь лишь с улыбкой промолчал, нежно коснувшись щеки Сы Юэ.

На аукционе Сы Юэ так и не присмотрел ничего интересного, поэтому ничего не купил. Бай Лу решил, что это невыгодно, и тоже остался с пустыми руками. А вот Цзян Юй неожиданно приобрел браслет с изумрудами. У украшения даже было свое название — «Невыразимое».

Отправляясь за кулисы оформлять покупку, он бросил:

— Невыразимая любовь... Вам не понять, обыватели.

Бай Цзяню нужно было повидаться с несколькими старыми партнерами по бизнесу, поэтому он отправил Сы Юэ поужинать в компании Бай Лу.

Идя по длинному коридору, Бай Лу то и дело оглядывался.

— Как думаешь, о чем думают эти старикашки, когда лебезят перед моим братом? — с любопытством спросил он.

Сы Юэ оглянулся. В реальном бизнесе не бывает столько молодых «властных президентов». Большинство строит свою империю десятилетиями. Слишком молодые просто не имеют права ступить на борт «Священного гимна». Те юнцы, что всё же оказались на лайнере, приехали сюда с родителями, на аукцион их не пускали, и уж тем более у них не было ни единого шанса заговорить с Бай Цзянем.

Поэтому сейчас Бай Цзянь беседовал с несколькими плешивыми стариками и дамами лет сорока-пятидесяти в элегантной повседневной одежде.

«Они наверняка думают, как бы урвать контракт с семьей Бай или выжать максимум выгоды из сотрудничества, — рассудил Сы Юэ. — Уж точно они не брызжут слюной от зависти в духе: "Надо же, такой сопляк, а круче меня". Будь у них такой менталитет, они бы не забрались так высоко».

Сы Юэ похлопал Бай Лу по плечу:

— Пошли.

Бай Лу засеменял следом:

— А-Юэ, а что ты любишь жарить? Я вот люблю щупальца осьминога — только слегка прихватить на углях. Снаружи хрустящие, а внутри холодненькие, упругие! И они еще шевелятся, так что вкус вообще не портится!

«...» Безжалостный убийца осьминогов, не иначе. Хотя постоит, еще же медузы.

— Я предпочитаю говядину. И не люблю сырое — ни мясо, ни морепродукты.

Бай Лу похлопал Сы Юэ по животу:

— Ой, да знаю я. Вы, люди, боитесь паразитов, потому что от заражения превращаетесь в зомби.

Сы Юэ: «...»

— Завязывай смотреть фильмы про зомби-апокалипсис, — вздохнул он.

Свет потолочных ламп мягко ложился на лицо юноши, придавая его чертам особую теплоту и спокойствие.

— А вот представь, чисто гипотетически, если бы я стал зомби, — Бай Лу принялся наворачивать круги вокруг Сы Юэ. — Ты бы меня убил?

Сы Юэ ненадолго замолчал. Этот вопрос постоянно всплывал в комментариях под фильмами. Подумав, он покачал головой:

— Нет. Но я бы запер тебя в клетке. Ты же всё равно ешь только осьминогов да медуз, я бы приказал ловить их для тебя.

Глаза Бай Лу радостно вспыхнули. Он крепко сгреб Сы Юэ в охапку:

— А-Юэ, ты такой хороший! Ты и мой брат — самые лучшие люди в мире!

Он несколько раз чмокнул Сы Юэ, оставив на половине его лица свои слюни. Слюна у тритонов была прохладной и липкой. К тому же Бай Лу обожал сладкое. Позже, сидя у гриля, Сы Юэ добрых полчаса оттирался салфетками, но половина его лица всё равно оставалась ледяной, резко контрастируя с нормальной температурой другой щеки.

Вот это убойная сила...

Желающих подлизаться было хоть отбавляй.

Мишенью были и Сы Юэ, и Бай Лу, причем к каждому из них был свой подход.

Например, Бай Лу был милым маленьким дурачком: к нему легко подобраться, его легко обмануть, он совершенно не умеет плести интриги.

А Сы Юэ был их ровесником. С ним можно было найти больше общих тем и быстрее наладить контакт.

Эти два типажа словно были созданы специально для своры подхалимов!!!

Аппетит у Сы Юэ был так себе, да и в еде он был крайне привередлив: разный способ готовки требовал определенных отрубков говядины и совершенно разных оттенков вкуса.

Официант налил в маленькую пиалу фирменный соус от шеф-повара и положил на тарелку Сы Юэ идеально прожаренную говяжью вырезку. Сы Юэ ел крошечными кусочками, краем уха слушая болтовню Бай Лу с обступившей их толпой людей и тритонов.

— Да ладно, так круто?!

— Ага!

— Вообще отпад!

— Вот и я так думаю!

«...»

Пока они болтали, вся эта шайка то и дело бросала косые взгляды на Сы Юэ, но каждый раз они открывали рты и не решались заговорить.

Хоть Сы Юэ и был их ровесником, по его виду никак нельзя было сказать, что к нему легко подкатить. За те полчаса, что он здесь сидел, он перебросился всего парой фраз с Бай Лу, а остальных отделявал краткими междометиями вроде: «угу», «ага», «ясно».

— Сы Юэ, мы из одной старшей школы, не помнишь меня? — тихо спросил какой-то парень, наливая полстакана пива в бокал Сы Юэ. Он был в белой рубашке и выглядел очень послушным пай-мальчиком.

Сы Юэ, медленно жуя говяжьих жилы, смерил его взглядом и кивнул:

— Лицо знакомое. Мы с тобой на одном потоке учились?

— Ага! — тот энергично закивал. — Меня зовут Ван Чуань.

Ван Чуань?

Лицо знакомое, и имя тоже. Сы Юэ стал жевать медленнее, прокручивая воспоминания в голове, пока наконец не вспомнил, кто такой этот Ван Чуань.

Он и правда не помнил ни самого парня, ни того, что тот делал, но когда они с Чжоу Яньяном ходили покупать подарок Бай Цзяню и наткнулись на него в лифте, Чжоу Яньян шепнул: «Это твой поехавший фанат».

Сы Юэ опустил глаза. Не зная, как реагировать на такое ненормальное рвение, он просто чокнулся своим бокалом с бокалом парня:

— Выпьем.

Ошеломленный оказанной честью, Ван Чуань залпом осушил свое пиво. Его руки тряслись от возбуждения, дыхание сбилось.

Он никогда еще не был так близко к Сы Юэ. Даже тогда в лифте между ними стоял другой человек. Это был невероятно редкий шанс поговорить с ним. Ван Чуань покосился на диктофон на телефоне, запись на котором он включил заранее. Он собирался записать весь этот разговор от начала до конца, чтобы потом каждую ночь перед сном ставить его на повтор, представляя, что Сы Юэ лежит рядом с ним.

Какая жалость... Он так обожал Сы Юэ, а тот даже не замечал его существования. Впрочем, радовало одно: других Сы Юэ тоже в упор не видел.

Ван Чуань обожал бьющую ключом энергию Сы Юэ, его высокомерный взгляд свысока. Ему до смерти хотелось превратить Сы Юэ в прекрасное чучело и выставить в самой дорогой витрине.

Но он ничего не мог сделать, потому что господин Бай Цзянь обязательно бы об этом узнал — и тогда содрал бы кожу с его хвоста.

Но ведь если просто чуточку прикоснуться... ничего же страшного не случится, правда?

Ван Чуань придвинул свой стул чуть поближе к Сы Юэ, стараясь не перегибать палку. Он знал, что Сы Юэ терпеть не может, когда к нему лезут в личное пространство. Он знал все его мелкие привычки и недостатки. От одной мысли об этом ему казалось, что он владеет самым редким сокровищем на земле, и эта мысль будоражила кровь. Особенности вещи, известные только ему — как же это опьяняло!

Ему хотелось, чтобы Сы Юэ пропах его запахом. Всё равно господин Бай Цзянь ни за что не поймет, чей это след. А когда Сы Юэ, пропитанный его ароматом, будет ласкаться к господину Бай Цзяню, это будет ощущаться так, словно он, Ван Чуань, тоже принимает в этом участие.

Ван Чуань взял общие палочки и положил пару ломтиков побегов бамбука в тарелку Сы Юэ, как бы невзначай мазнув рукой по открытому участку его запястья. Человеческая кожа была такой теплой... Это прикосновение было во сто крат приятнее, чем кожа любого тритона.

— Попробуй, это очень вкусно, — Ван Чуань уставился на него глазами, полными ожидания.

Сы Юэ откусил лишь крошечный кусочек. Вкус у побегов бамбука был странным. Как их ни готовь — всё равно странно.

Ван Чуань продолжал суетиться, как заведенный, и Сы Юэ выставил руку, преграждая ему путь, когда тот попытался придвинуться еще ближе:

— Сиди спокойно и ешь. Хватит суетиться.

Ван Чуань с сияющими глазами-звездочками яростно закивал.

Сы Юэ: «...»

И вот это Чжоу Яньян называл поехавшим фанатом? Похоже, у него и правда поехала крыша.

Увидев, что Ван Чуаню удалось завязать беседу, остальные тоже осмелели и, вооружившись бокалами, стали осторожно подтягиваться к нему. Они были ровесниками, и Сы Юэ было как-то неловко их отшивать.

Он накрыл бокал ладонью и, усмехнувшись уголком губ, бросил:

— Я вам что, собутыльник на заказ?

Выразительные, чуть раскосые глаза юноши заledenели, уподобившись лезвию клинка, сверкнувшему беспощадным холодом.

Он обменялся парой слов лишь с Ван Чуанем. И только потому, что они учились в одной школе на одном потоке. А после этого он просто сидел, ел мясо в одиночестве и попивал пиво.

Официант оказался парнем забавным. Он стал нахваливать алкоголь, который гости лайнера заказывали чаще всего в эти два дня: «Градус небольшой, но опьянеть легко. Зато вкус просто божественный!»

Это было белое вино, и градус там был вполне приличный. Сы Юэ скользнул взглядом по меню:

— Нет, просто пиво.

Они с Чжоу Яньяном и остальными привыкли глушить пиво под шашлыки, и Сы Юэ было лень менять устоявшиеся привычки.

Пиво на корабле было импортное, крепкое — гораздо крепче того, к которому привык Сы Юэ. Выпив несколько бокалов, он почувствовал, как по телу разливается легкое опьянение. Зная меру, Сы Юэ вовремя остановился. Отставив бокал, он немного перевел дух и посмотрел на сидящего напротив Бай Лу:

— Бай Цзянь еще не пришел?

Стоило ему это произнести, как на лестнице показался Бай Цзянь в сопровождении Цзян Юня и Цзян Юя. Цзян Юй подбежал к столу, плюхнулся на стул рядом с Бай Лу, выудил из-под стола чистую тарелку и затараторил:

— Умираю от голода, умираю! Мне можно пожарить всё что угодно, только не пересушите, просто слегонца обжарьте и сойдет!

Вкусы у него были примерно такие же, как у Бай Лу.

Место рядом с Сы Юэ оставили для Бай Цзяня. Сев за стол, Бай Цзянь бросил взгляд на наполовину пустой бокал перед Сы Юэ:

— Пил алкоголь?

Сы Юэ ткнул палочками в зеленый перец на тарелке:

— Есть мясо с гриля и не пить — это вообще законно?

Бай Цзянь в упор посмотрел на Сы Юэ, а тот даже не отвел глаз, открыто встретив его взгляд.

Спустя пару секунд Бай Цзянь отвел взгляд, взял бокал в руку и принялся. Такое пиво по крепости недалеко ушло от байцзю. Даже если Сы Юэ не напился в хлам, в голову ему всё равно ударило.

Когда Бай Цзянь снова заговорил, он обратился к официанту, который специально стоял у гриля ради Сы Юэ:

— Он много выпил?

Тот услужливо доложил:

— Молодой господин А-Юэ съедал пару кусочков мяса и делал глоток. Иногда большой, иногда маленький. В наших бокалах двести тридцать пять миллилитров. Он выпил ровно четыре бокала, это пятый, выпит наполовину.

«...»

Сы Юэ не был пьян, но реакция у него явно затормозилась. Сжимая в руке палочки, он бездумно наблюдал за тем, как официант переворачивает мясо на решетке.

— А сколько он съел? — снова спросил Бай Цзянь.

— Совсем немного... — ответил официант, мысленно поражаясь тому, как сильно господин Бай Цзянь заботится о своем партнере — выпрашивает каждую мелочь о том, что тот ел и пил. — В общей сложности меньше двухсот граммов мяса, пару кусочков побегов бамбука и несколько грибов. Молодой господин А-Юэ очень привередлив в еде.

Однако с Сы Юэ было куда проще общаться, чем с большинством «золотой молодежи», с которой официанту приходилось сталкиваться. Если Сы Юэ что-то не нравилось, он просто отодвигал это в сторону, не устраивая сцен, не сыпля насмешками и уж тем более не вскакивая, чтобы отвесить персоналу оплеуху.

— Знаю, что привередлив, — улыбнулся Бай Цзянь.

Цзянь Юнь достал из кармана бумажник, выудил оттуда несколько крупных купюр и придвинул их официанту:

— Спасибо за работу.

Сы Юэ, наблюдая за всей этой отработанной сценой, ни с того ни с сего раздраженно цыкнул:

— Тц.

«...»

В тот же миг все сидящие за столом уставились на него.

«...»

Бай Цзянь протянул руку и ущипнул Сы Юэ за щеку, сдавив чуть сильнее обычного:

— Кто разрешил тебе столько пить?

Сы Юэ сморщился от боли и прикрыл щеку ладонью:

— Я не наелся.

Бай Цзянь повернулся к официанту:

— Передайте на кухню, чтобы сварили пиалу лапши. Не острую.

Бульон для лапши сварили на бараньих и куриных костях. Сама лапша была вытянута вручную, сверху ее сбрызнули кунжутным маслом, посыпали кинзой и измельченным чесноком, а в тарелку бросили пару очищенных креветок и ломтики свинины барбекю. Лапши было мало, в основном один бульон.

Глядя на это, Бай Цзянь решил, что для растущего детеныша такого количества еды будет

маловато, а это может плохо сказаться на его развитии.

Однако Сы Юэ осилил лишь половину, после чего с трудом проглотил последний кусок и медленно опустил палочки.

Бай Лу чуть слюной не захлебнулся:

— Отдай мне, отдай мне! Если не можешь доесть — давай сюда! В меня всё влезет!

Дождавшись кивка от Сы Юэ, официант переставил недоеденную лапшу к Бай Лу. Тот смел порцию, как ураган, выпил бульон до последней капли и напоследок смачно облизал палочки.

«...»

Когда стол перед ним очистили, Сы Юэ подпер щеку рукой и спросил Бай Цзяня:

— О чем вы болтали?

— Всякие бытовые мелочи, — Бай Цзянь взъерошил волосы Сы Юэ, а затем бережно их пригладил. Ему нравилось заботиться о своем партнере.

Тритоны считались людьми, но их природа была тесно связана с животными. Первобытные инстинкты в них не угасли до конца, а уж в первородных тритонах они бурлили особенно сильно. Звериное чувство собственности и жажда контроля были гораздо прямолинейнее и неукротимее, чем у людей. Бай Цзянь смотрел на своего человеческого партнера, которого можно было назвать разве что хрупким и нежным, и в его глазах вспыхивала бережно сдерживаемая нежность. Сы Юэ был еще молод, он еще рос, и в глазах Бай Цзяня он действительно был невероятно хрупким.

Сы Юэ с полужакрытыми глазами лениво пялился на стакан простой воды перед собой. С отвращением отодвинув его в сторону, он спросил Бай Цзяня:

— Я тут спросил у друга... Он сказал, что к ушам и хвосту тритонов нельзя просто так прикасаться. Ты что, пользуешься тем, что ты старше, и просто меня дуришь?

И ведь это на аукционе! У всех на виду! Вытворять такие вещи!

Бай Цзянь опустил взгляд на Сы Юэ и совершенно спокойно ответил:

— Я тебя не обманывал. В каком-то смысле это действительно было «успокоение».

— С чего бы это?

— Потому что если бы я не пытался успокоиться... — Бай Цзянь склонился к Сы Юэ. Его мягкая аура обволокла юношу. Движения тритона были медленными, но в них сквозила подавляющая хищность. — То я бы тебя прямо там поцеловал.

Сы Юэ потерял дар речи. Он отвел глаза, не зная, куда деть взгляд.

Заметив краем глаза стакан с водой, он схватил его, чтобы разрядить обстановку, и попытался сделать глоток.

Но как только он поднес стакан к плечу, Бай Цзянь перехватил его за запястье и вдавил руку обратно в стол.

Пальцы у Бай Цзяня были ледяными.

Его зрачки окрасились в холодный серебристый цвет.

Бай Цзянь придвинулся еще ближе, оттянул тонкий воротник рубашки Сы Юэ и принюхался. Сы Юэ мгновенно окаменел. Ему показалось, что запахло жареным.

Тритон приподнял веки, и на его губах заиграла едва уловимая усмешка:

— А-Юэ... Что это за запах на тебе?

<http://bllate.org/book/14657/1301527>